

— Ну, тогда пока, — старательно выдерживая нейтральную интонацию, произнес он и махнул скупым, коротким жестом, словно отсекая все невидимые нити, связывавшие их до этого момента, повернулся и зашагал вперед, быстро удаляясь по дороге.

У Клары неожиданно, не пойми с чего, вдруг что-то резко, болезненно остро перехватило-защемило в груди, чуть повыше сердца, и сжало-сжало, словно тисками, настолько сильно, что спазмом перекрыло горло, не давая продохнуть. А черная, беспросветная муть-безнадега обожгла разум внезапно открывшимся, как вспышка, озарением, пониманием, что он на самом деле уходит — вот прямо сейчас, совсем, навсегда, окончательно и безвозвратно уходит в...

— Подожди! — окликнула она его, царапая, продирая с болью криком перехватившее судорогой горло...

Он не остановился, будто не услышал ее вовсе, продолжая довольно быстро и столь же неотвратимо удаляться от нее все дальше и дальше, постепенно растворяясь в плотном тумане, больше похожем на непонятную, какую-то странную субстанцию, дымку, как-то слишком быстро, буквально в одно мгновение,

выгнанную резким порывом ветра на дорогу из оврага, в котором она до этого момента клубилась-варилась, стелясь по земле в серых утренних сумерках...

— Да подожди ты!!! — громко потребовала Клавдия, закашлялась от сухой боли, оцарапавшей горло, и просипела вдогонку: — Подожди!

Но он снова проигнорировал ее призыв, а может, действительно просто не слышал или не обратил внимания на ее хриплые окрики и все шел и шел, не меняя ритма и скорости движения, неотвратимо уходя от нее.

И Клава рванула вперед, туда, за ним — догнать, остановить, попытаться что-то объяснить-доказать, спросить, да просто поговорить нормально...

Но, странное дело, внезапно оказалось, что, пока она то рефлексировала и раздражалась на него, то орала-сипела, стоя у края оврага на обочине, он уже успел довольно далеко отойти. Может, поэтому и не слышал, что она его зовет?

Клава прибавила ходу, не упуская из виду в странном, все сгущавшемся плотном тумане его спину с каким-то рисунком на куртке, в которую он был одет: не то наездник на коне, не то кентавр какой, не то лось, что ли... непонятно.

— Подожди! — снова окрикнула она, уже ожидаемо причиняя своему горлу болевые, дерущие ощущения.

Но и на этот ее зов он не обернулся, ровно и целеустремленно продолжая шагать по дороге.

И тут Клавдия разозлилась! Просто ужасно, прямо так... ух! — как сильно разозлилась! Вот так бы и тукнула его по башке упертой и по этой его прямо излучавшей отстраненность и свою нестигаемую правоту

спине с непонятным лосем-кентавром на куртке. Уходит он, понимаешь! Решил, сказал — и пошел! Нет уж, он ее выслушает...

И она прибавила скорости, почти побежав, одновременно с рывком внезапно осознав, почувствовав, что опция «бежать» дается ей с большим трудом: по какой-то непонятной причине ноги совершенно отказались подчиняться приказам головы, и Клавдии потребовалось прилагать определенные усилия, чтобы заставить конечности передвигаться, а быстрое передвижение вызвало у нее прямо-таки болезненные ощущения во всем теле.

Это что за хрень?! С чего бы вдруг такая немощь навалила? Не иначе как от нервов — бабушка Софья уверяет, что все болячки и глупости у людей случаются исключительно от нервов и стресса. Вот, наверное, и у нее от этих самых нервов в паре со стрессом тело решило побастовать.

Ага, да сейчас, посопротивляйся мне тут — или она не спортсменка в душе?! Она тоже умеет упираться и вредничать, еще как умеет, тебе и не снилось! «Так что нефиг мне тут изображать уставшую олимпийскую чемпионку после финиша!» — прикрикнула Клава мысленно на свои ноги и, разозлившись на себя, на него, на идиотскую какую-то ситуацию в целом, преодолевая сопротивление организма, наддала-прибавила усилий, припустив еще быстрее.

И сразу заметно начала приближаться к двигавшемуся впереди мужчине.

— Стой! — окликнула она в очередной раз, громко прохрипела севшим-сипевшим, окончательно разболевшимся горлом.

А он услышал. В этот раз наконец услышал ее, остановился, резко развернулся и очень удивился, обнаружив догонявшую его зачем-то девушку и поспешил навстречу.

— Ты чего? — с очевидным беспокойством спросил он, подходя вплотную.

Клавдия — у которой все тело мелко дрожало от затраченных усилий и напряжения, которые пришлось приложить к истязанию себя бегом, — наконец остановившись, продленно, с огромным облегчением выдохнула, еле удержавшись, чтоб не согнуться пополам, упереться руками в коленки и форсированно подышать, приходя в норму, словно не пару десятков метров пробежала трусцой, а как минимум километров пять преодолела в состязаниях на скорость и выносливость.

— Ты зачем за мной? — спросил он озабоченным тоном и произнес что-то непонятное: — Тебе нельзя сюда, — с поразившей Клаву неподдельной заботой и искренним переживанием за нее.

Явно за нее, она это отчетливо почувствовала. Как же это так — он о ней беспокоится и все-таки уходит? Что за ерунда?

— Простынешь, — ошаршил он Клаву следующим заявлением и вдруг поправил платок на ее шее, выбившийся из-под ворота курточки во время бега, а сам воротник запахнул посильней.

— Ты почему так резко ушел? — спросила Клава.

— Ну, почему... — произнес он и, осторожно, медленно притянув ее к себе за борта воротника, которые так и не отпустил, заглянул в глаза совсем близко. —

Ты же отказалась. Мы же выяснили, что тебе ничего этого не надо.

Отпустил и, заботливо запахнув еще плотней воротник ее курточки, отступил на шаг и указал жестом себе за спину:

— Мне надо идти, вон машина уже ждет.

Привстав на цыпочки, Клава посмотрела через его плечо туда, куда он указал рукой, где в ставшем за эти несколько мгновений еще более плотным тумане угадывался силуэт машины типа «буханки», кажется, так их называют, или «Газели» (бог знает, она в таких марках не разбирается) — что-то малое грузовое, похожее на банковские автомобили.

И ей вдруг привиделось-почудилось, что оттуда, со стороны этой самой машины, дохнуло на нее чем-то страшным, темным, потусторонним...

Непроизвольно отшатнувшись и зябко передернув плечами, Клава тряхнула головой, сбрасывая с себя непонятные ощущения, отделяваясь от всякой глупой, пугающей ерунды, лезущей в голову.

— Ничего мы не выяснили и даже не начинали выяснять, — возразила она строптиво, — я просто сказала о своих сомнениях, а ты...

— А если есть сомнения, Клав, то уже ничего и нет, и не может быть, — улыбнулся он уставшей, печально-мудрой улыбкой, отступил еще на шаг и, будто извиняясь, но твердо и окончательно, оповестил: — Я пойду, мне пора. Прощай. Все у тебя хорошо будет.

Развернулся и продолжил свой путь — туда, к ожидавшей его машине.

А Клавдия... у нее остановилось сердце, и, заполняя предательской тьмой и холодом мозг, сознание про-

стрелило абсолютным, гибельным пониманием: вот он сейчас уйдет и больше этого человека не будет — совсем не будет! Окончательно и навсегда!

Ни для нее, ни для чего на свете его уже не будет! Как только он дойдет до машины — закончится все!

Она дернулась следом за ним всем телом, но не могла сдвинуться с места, открыла рот в отчаянной попытке прокричать, позвать — остановить, вернуть, объяснить что-то, самой ей до конца непонятное...

И как ни напрягалась, как ни старалась изо всех последних, отчаянных сил, но только открывала рот, раздирая его в беззвучном крике, ужасаясь невозможности выдавить из себя хоть какой-нибудь звук...

...а он все уходил, уходил, растворяясь в окончательно заповолившем мир сером, уплотнившемся до состояния киселя тумане, в котором таяло и исчезало все вокруг...

Клавдии стало страшно! Так дико, так животного-жутко страшно, что заохлодело все внутри, словно оборвалась, остановилась жизнь... Она еще была способна думать, чувствовать, понимать и испытывать-переживать ужас и панику, а жизнь все — остановилась!

И в этом последнем, растянувшемся мгновении ужаса и почти уже небытия она вдруг так четко и ясно осознала... что совершенно не знает, понятия не имеет, кто этот мужчина. Она не смогла бы узнать его голос, поскольку тот звучал приглушенным шепотом, словно доносился через вату. Она не представляет, как выглядит этот человек: его лицо было стерто, укрыто, как плотной вуалью, тем самым странным туманом, в котором он растворился, уходя, окончательно и бесповоротно...

Навсегда.

— Нет!!! — проорала Клава. — Не-е-ет... — просипела утробно, с надрывом и резко села на кровати, обхватив измученное горло ладонью, рефлекторно пытаясь удержать, уменьшить боль.

Судорожно втянула-вдохнула в себя воздух, с наслаждением и невероятным облегчением осознавая, что снова может свободно дышать, и двигаться, и даже разговаривать...

Распахнув глаза, Клавдия осмотрелась, не сразу сообразив, где находится, в каком состоянии и что с ней вообще происходит: она все еще была там, в неприятном, плотном тумане, ей просто стало легче, прошел какой-то неожиданный приступ или?..

Дома!!! Боже мой, она дома! Какое счастье! Никакого тумана, никакого сковывающего ужасом приступа, парализовавшего сердце и дыхание, и никакого уходящего в небытие незнакомца — все это было сном, просто сном, только ночным бредом.

Господи, какое счастье!

А напугавший ее страшный ночной кошмар медленно разжимал тиски своих холодных, влажных черных лап, в которых все еще держал свою жертву, вынужденно ослабляя захват и неохотно отпуская, подчиняясь силе яви, неумолимо уничтожающей всякую ночную нечисть.

— О господи... — произнесла, выдохнув с невероятным облегчением, Клавдия, полностью возвращаясь в реальность.

Закрыла глаза и потерла лоб, ощутив на пальцах легкую холодную испарину. Кошмар стремительно отступал, унося с собой в черноту ночи, ставшей уже вчерашней, бурю пережитых чувств и эмоций, и на-

столько сильно напугавшую ее убийственную беспомощность перед обстоятельствами, и ощущение животного страха и безысходности...

— Приснится же *такое!* — посетовала-пожаловалась Клава, обессиленно откинувшись назад на подушку.

Глубоко, на всю полноту легких вдохнула и медленно, длинно выдохнула, окончательно освобождаясь от пережитых страхов и беспомощности.

Еще раз: долгий, затяжной, вдумчивый глубокий вдох — задержать дыхание — и такой же длинный выдох. И еще раз. И еще пять раз.

Полежала, расслабляясь и чувствуя легкое головокружение от интенсивной дыхательной процедуры, повернулась, посмотрела на электронные часы-будильник, стоящие на тумбочке, отстраненно-холодно оповестившие, что в данный момент сутки находятся на отметке пяти часов пятидесяти минут утра.

— Вот же, печки ваши лавочки! Ну какого, спрашивается... — ругнулась в сердцах Клава.

Нет, ну что за засада-то, а! Понятно, что теперь она уже точно не уснет, а вставать в шесть утра, когда у тебя половина дня свободна и именно сегодня можно было бы наконец-то расслабиться в удовольствие и вполне себе законно поспать от души да вдоволь, что и наметила она себе вчера, и предвкушала, укладываясь спать... Нет, воистину: хочешь Кое-Кого Серьезного насмешить, расскажи о своих планах...

Нет, ну елки же метель, как говаривал дед Коля в моменты сильного душевного негодования, прибавляя шепотом вдогонку взрослых словесных натюрмортов, «которые всякой мелочи слушать не положено».

Мелочью была она, Клавдия, и взрослых дедушкиных матерных «натюрмортов» честно старалась не слушать, поскольку дала тому слово-обещание этого не делать. Впрочем, при внучке дед Коля свое красноречие праведное придерживал, и развесистых ругательств, при которых следовало бы немедленно закрывать уши, Клавочка от него никогда не слышала, а потому уши и не закрывала: дедушка ругался совсем тихо, сквозь зубы, на уровне бу-бу-бу, не пойми-разбери какого. Это он так, предупреждал на всякий случай, причем по большей части самого себя.

«Чего это я взялась деда Колю вспоминать?» — подивилась Клавдия. Никак бредовым сном навеяло. Подумала и тут же передернула плечами, почувствовав, как от одного лишь коротенького упоминания липкая лапка кошмара, вынырнув из ночного небытия, коснулась ее волос, напоминая о себе.

Да ну на хрен! Разозлилась на себя и на этот дурацкий, перепугавший ее, ненормальный какой-то сон, решительно откинула одеяло и подскочила с кровати. Срочно в душ и смыть с себя всю эту фигню ночную!

И кофе. Стоя под струями горячего душа, представляла она себе чашку с любимым бодрящим напитком уже куда как веселее, чем пару минут назад. «Много горячего, крепкого кофе, непременно со сливками и какой-нибудь вкусняхой!» — совсем и окончательно взбодрилась Клавдия. Сегодня, после такого-то стресса и «нервов», она разрешает себе любые вкусняхи, вплоть до запрещенного куска торттика-медовика. Ум-м-м, обожаю!

Точно: сядет в свое кресло у окна в кухне, медленно, с удовольствием смакуя каждый глоток, будет тянуть

горячий кофе из любимой большой кружки и поглядывать за окно во двор на спешащих на работу людей, а осознание того, что ей-то как раз никуда сейчас спешить и торопиться не требуется, только усилит наслаждение моментом!

И главным, определяющим ее сегодняшний кайф словом станет именно это: «*Не торопясь!*»! Боже, как давно она не могла позволить себе плавной, тягучей, ленивой неспешности и неторопливого, вдумчивого смакования утреннего кофе. Ради такого можно и кошмар потерпеть, который поднял в такую рань.

«О нет, нет!» — тут же открестилась от этой мысли Клава, зябко передернув плечами только лишь от одного коротенького намека на воспоминание о ночном мучении. На фиг, на фиг такие поводы к раннему просыпанию — тьфу на них, тьфу и тьфу! Лучше уж будильник завести, пусть звонит-будит, зараза.

Подумала мгновение и решила, что и на будильник лучше тоже тьфу, попьет она свой кофе и в привычном торопливом темпе, обжигаясь, то и дело напряженно посматривая на часы, что-то мыча-отвечая на ходу и бегом, с полным ртом (к недовольному ворчанию бабули), чем вставать в такую рань по любому поводу — хоть банальному и привычному, хоть тем паче такому неприятному, как случился нынче.

Клавдия любила поспать и была классической «совой», только вспоминать о своей принадлежности к данному отряду пернато-спящих и дрыхнуть в «сладость-радость, до помятой щечки», как говаривал тот же дед Коля, ей удавалось нечасто, всего пару раз в месяц да во время отпуска — вот такие «печки ее лавочки».

«Ее лавочки» в данном случае — это уклад Клавдиной жизни.

Выбравшись из душа и вытершись насухо, пару мгновений поколебавшись в раздумьях, решила Клавдия Юрьевна устроить сегодня себе максимально доступный пофигизм, в список которого первым пунктом вошло игнорирование всех привычных косметических процедур, обязательным порядком следовавших после принятия водных процедур (за исключением, понятное дело, чистки зубов и самых необходимых кремов). Ну вот на фиг — честное слово! Такая это канитель постоянная, что иногда не грех и забить!

— Что-то тебя, матушка, вразнос понесло, — усмехнулась она своему отражению в зеркале, — тортик наметила, кремы-процедуры, фен-прически отменила. Бунтуешь?

Ну, не то чтобы прямо вот так бунтует. Настоящее «фи» привычной размеренной жизни и серьезная эмоциональная встряска, изредка разрывавшие обыденность жизни Клавдии, протекали у нее несколько иначе. А нынче утром это так — не фейерверк, а скорее безобидная хлопушка-петарда. Ибо... есть у нее на сегодня дела важные и серьезные обязательства, так что толком и не взбрыкнешь.

Но тортик — это все-таки какая-никакая, но петарда, пусть и маленькая, но все же. Тем более большой кусок тортика... и, пожалуй, немного мангового суфле к нему — чем не бунт? Настоящий такой, честный! И ладно, и можно, просто сделает парочку дополнительных асан йоги во время своего часового занятия.

И чтобы окончательно не «пойти вразнос» (как называет изредка нападавшее на внучку такое вот ре-

волюционное настроение-поведение бабушка Софья), Клавдия дала себе установку, что ради баланса и успокоения совести выберет себе на сегодня дело-занятие из числа тех, что находятся в реестре важных и, без сомнения, нужных, но несрочных, а потому благополучно отложенных на мифическое, загадочное, никому не ведомое «удобное и свободное» время, которое имеет странное свойство находиться крайне редко, а в большинстве случаев и вовсе не появляться.

Время ни с кем не воюет, а потому не наступает, у него и так все хорошо, и атаковать или отступать ему не требуется, а дела наши где были, там и остаются.

«Охо-хо...» — мысленно вздохнула тяжело Клавдия, припомнив список-перечень тех самых важных и отложенных «на потом» дел-занятий, до которых не дошли ни только руки, но и ноги, и голова иже с ними.

Ладно, сначала кофе, блаженство в утренней тишине и одиночестве, а потом, может быть («Только может быть!» — внесла торопливое уточнение она), открывающее возможность «дать заднюю» какое-нибудь дело из «дальних ящиков».

Но «тишина одиночества» — это Клавдия определенно переборщила с оптимизмом в своих планах-ожиданиях.

— Софьюшка Михайловна, что это вы ни свет ни заря, а уж в трудах и хлопотах? — улыбнулась колдовавшей у плиты над туркой с кофе бабуле Клавдия.

— Сон стариков короток и тревожен, — улыбнулась в ответ бабушка Софья, делясь философскими умозаключениями. — Наверное, потому, что между ними и вечностью остается совсем немного времени для

того, чтобы успеть осмыслить и понять нечто важное и великое или хоть немного поумнеть.

— Понятно, — усмехнулась Клава, развеселившись, — снова не приняла «Мелатонин» на ночь.

Подошла, обняла бабушку и поцеловала в мягкую, еле уловимо пахнущую розой щечку, с удовольствием вдохнув такой родной, любимый запах.

— Кофе будешь? — подхватывая с огня турку с поднявшейся в ней кофейной шапкой пены и проигнорировав замечание внучки, поинтересовалась Софья Михайловна.

— Обязательно, — уведомила бабушку Клава. — На ваш шедевр, Софья Михайловна, не претендую и даже не заглядываюсь. К тому же имею конкретное желание: свой любимый размерчик и вкус: много, крепко, горячо и со сливками.

— Это уже не кофе, — привычно заметила бабуля, не признававшая таких извращений с великим, как она считала, напитком.

— Понятное дело, — так же привычно согласилась Клава, доставая из шкафчика большую турку.

Это был их извечный, практически теософский спор из серии «Чья религия лучше и правильной».

Бабушка поставила турку на специальную подставку, заранее приготовленную на столе рядом с крохотной чашечкой на блюде и маленькой десертной тарелочкой тонкого фарфора из того же сервиза, что и чашка. На тарелочке лежало несколько аккуратно разложенных долек засахаренных фруктов.

Бабушка холила, лелеяла и любила свои ритуалы, выработанные годами. Одним из них являлась церемония питья утреннего кофе — неизменно исполнявшаяся

яся неспешно, с удовольствием, в давно отработанной и отлаженной последовательности действий, с применением определенных атрибутов. Что бы ни случилось и ни произошло — хоть «весь мир в труху», — но сначала кофе, и только потом отправимся спасать-выручать родных-близких, учеников и все человечество в целом, коли возникла в том необходимость.

Именно в такой последовательности.

Даже если все пропало, и «ой-ей-ей, все плохо, и мы все умрем!».

— Ну, «все умрем», насколько мне известно, пока никто не отменял, — спокойно потягивая обжигающий напиток, замечала бабуля, когда кто-то начинал истерить рядом, требуя немедленно что-то делать, бежать, звонить, решать и так далее. — А на все остальные неприятности торопиться необязательно, к сожалению, они от нас никуда не денутся и без нас не обойдутся. Так что сначала выпью свой кофе, а потом мы займемся этим вопросом.

Клава обожала наблюдать за бабушкой в моменты ее «кофейного священнодействия»: ее с детства завораживала, очаровывала, атмосфера, которую незаметно творила-создавала бабуля. Для начала надо постараться достичь внутреннего спокойствия и остановить суетливую торопливость, отбросить пустые мысли и сосредоточиться на том, что делаешь. Непременно стелилась белая скатерть на круглом столе, поверх которой клалась кружевная льняная салфетка, на которую водружалась потемневшая от времени мини-тренога с ма-а-аленькой горелочкой (ее следовало зажигать, только если кофе остывал), куда ставилась турка. Бабуля усаживалась за стол, в задумчивости немного пошевелив паль-

цами над тарелочкой, выбирала соответствующий ее настроению и желанию в данный момент фрукт, откусывала крохотный кусочек засахаренного апельсина, или грейпфрута, или чего иного и запивала его небольшим глотком обжигающего кофе.

Потрясающий аромат кофе с еле уловимым запахом гвоздики (или кардамона, или корицы и цитруса, тоже в зависимости от настроений и предпочтений этого дня Софьи Михайловны) казался маленькой Клавочке бесподобным и незыблемым, чем-то очень надежным, означавшим, что все всегда будет хорошо, и ассоциировался со счастьем, как праздник Новый год. У всех он только раз в году, а у Клавочки всякий раз, когда она смотрела, как бабуля наслаждается кофе.

И еще — беседы.

Да, неторопливый, легкий разговор за чашечкой кофе также входил в ритуал, разумеется, при наличии достойного собеседника. Клавдия у Софьи Михайловны всегда числилась в таких с того возраста, как начала произносить первые слова. Впрочем, как и вся остальная родня.

Боже мой, как же любила, ценила и берегла эти моменты, проведенные с бабулей, Клавдия и как редко ей удавалось попристутствовать в этой душевной теплоте!

Чтобы непременно вот так, как надо: никуда не спеша, словно зависнув в остановившемся мгновении, посидеть с бабулей утром, укутанной волшебным ароматом, умиротворенной неторопливостью Сонюшки, ее мудростью и спокойствием. Рядом с ней все проблемы оказывались вдруг обычной решаемой ерундой, не стоящей душевных переживаний и надрыва, которые надо просто решать шаг за шагом, только

и всего. Мир, в котором Клава чувствовала и ощущала себя счастливым ребенком, защищенным от всех напастей.

Ведь не трудно же было это устроить — встать пораньше, часов в семь. Как правило, именно в это время Сонюшка, умывшись и приведя себя в «долженствующий вид», что означало: прическа и удобная, строгая одежда, исключавшая даже намек на халаты и нечто спортивно-расхристанное. Ну что вы, халаты предназначены для спальни и ванно-туалетных процедур, спортивная форма — для спорта и дачи, а для дома только платье либо блузка с юбкой и простые, но элегантные и не сковывающие движения домашние туфли на невысоком каблучке. А как вы хотели — старая советская преподавательская закваска, когда ученики и родители могли заявиться в любое время к учителю домой со своими вопросами и проблемами и требовалось выглядеть непременно подтянутой и прибранной, готовой ко всякого рода неожиданностям — высший класс!

Вот и вставала бы на час пораньше, ворчала на себя мысленно Клавдия, поглядывая за «священнодействием» бабули, так нет же — вечная усталость и загруженность делами-заботами, и всегда хочется поспать подольше, и еле вытаскиваешь себя из кровати под ворчание на будильник, ставший твоим личным врагом.

— А что ты, Клавочка, поднялась настолько рано, у тебя же выходной день? — поинтересовалась бабушка, выбрав из разложенных на тарелочке фруктов засахаренный ананас и откусывая кусочек. — Даже Роберт Ромуальдович еще спит.

— Кхмф-ф... — донесся из прихожей неодобрительный, невнятный возглас на слова Софьи Михайловны.

— Ну или дремлет, — чуть поведя бровью, скорректировала утверждение бабуля.

— По-моему, его высочество чем-то недоволен? — усмехнулась Клава.

— Немного. Мы с ним не сошлись во мнениях по одному вопросу, — ответила туманно Софья Михайловна, сделала глоточек кофе и снова откусила немного сладости.

— Кхм-кхым... — в бурчливо-осуждающих тонах прокряхтел объект их обсуждения из прихожей.

— Так что ты поднялась-то в такую рань? — повторила свой вопрос бабуля, проигнорировав все эти кряхтения и ворчанья.

— Да такая фигня замороженная приснилась, — пожаловалась Клава, заливая водой размолотый кофе в большой турке, — напугала, просто ужас какой-то.

— Настолько неприятный сон? — поинтересовалась Софья Михайловна, запивая лакомство глотком кофе.

— Настоящий кошмар, — призналась Клава. — Подскочила вся в холодном поту, словно вырвалась от смерти.

— А что конкретно тебе приснилось? — заинтересовалась бабуля.

— Не, булочка, ну на фиг, — торопливо отмахнулась двумя руками Клава, — даже вспоминать не хочу. Брр... — передернулась всем телом она.

— Такой тяжкий кошмар? — удивленно приподняла брови бабуля.

— Да какой-то просто треш голимый, — все жаловалась Клава.

— Как я понимаю, твое высказывание можно перевести с вашего сленга на литературный язык как «нечто страшное, до ужаса»? — уточнила Софья Михайловна.

— Совершенно верно, — подтвердила Клава

Подхватила с конфорки турку с зашипевшим пенкой кофе, перелила напиток в свою чашку, добавила сливок, размешала и, поставив на стол, устроилась напротив бабули, в своем любимом кресле у окна. А потом оповестила:

— И, посчитав себя серьезно потерпевшей от ночных кошмаров, я решила компенсировать этот стресс, дозволив себе сегодня всяческий разврат!

— Шампанское, джаз и бурный роман с незнакомцем? — уточнила степень разрешенного «разгулева» бабуля, поджимая губы, чтобы сдержать улыбку.

— Э-эх... — вздохнула преувеличенно досадливо Клава. — Увы, но нет, не по моим трудовым подвигам размах. Я как тот партработник из старого анекдота, что рассказывал дедуля: «Хотел подскочить, обличить, высказать свое гневное возмущение и несогласие, но удалось только приподняться, громко «пустить ветры», испортив воздух, и сесть обратно». Дальше игнорирования косметических втираний-растираний — и прически иже с ними — и обещания побаловать себя куском медовика приличных размеров и манговым десертом мое бунтарство не распространилось.

— Никакой фантазии, — пожурила Софья Михайловна, — и это у молодой девицы в тридцать с небольшим лет. Ударилась бы в загул, выпили бы бокал-другой с подругами, рванули бы вместе на танцы, познакомилась там с веселым парнем, влюбилась, закрутила роман, поддавалась бы легкому сумасбродству... — пе-

речислила возможную альтернативную программу разгула бабуля.

— Полноте вам, Софья Михайловна, откуда такие страсти? — рассмеялась Клавдия. — Шампанское, танцы, сумасбродный роман... Из всего перечисленного максимум, что я могу успеть до обеда, это танцы, и то в домашних условиях под какой-нибудь разудалый джаз из моих записей. А ограничусь йогой, чуть больше обычного часа.

— Звучит ужасно постно, как бунт божьей коровки в стакане, — вздохнула с театральной обреченной печалью бабуля. — А почему до обеда? — вычленила она самое главное из всего сказанного внучкой.

— Ну, потому что мне иногда необходимо-таки вспоминать, что я где-то все-таки мать и даже хозяйка с претензией на главу семейства, — вздохнула обреченно Клава. — Поэтому сейчас я немного расслаблюсь, покайфую рядом с тобой за чашкой кофе, потом приготовлю хороший, вкусный завтрак для Павлуши, провожу его в школу, уберу квартиру, приготовлю обед и ужин и поеду в госпиталь, навестить Васю и... надо посмотреть там парочку пациентов.

— Понятно, — кивнула бабуля и уточнила: — Своих специалистов, как я понимаю, у них нет?

— Почему нет, — пожала плечами Клавдия, — есть, и очень достойные. Но таких специалистов, как я, нет.

— Ну, положим, такие специалисты, как ты, не отличаются большим количеством в нашей стране, я бы сказала, что таковые представлены в единичных экземплярах, — наливая себе новую порцию кофе из турки, неторопливо рассуждала Софья Михайловна. — И твое

согласие помочь коллегам я понимаю и полностью одобряю.

Пошевелив задумчиво пальцами над тарелочкой, она выбрала другой фрукт, откусила, запила кофе и продолжила:

— А все остальное из домашних дел, что ты перечислила, смело можешь проигнорировать и, как вы говорите, «задвинуть подальше и не париться». И устройте себе настоящий выходной. Хоть полдня, да отдохнуть. Павлуша взрослый, ответственный парень и вполне способен сам отправиться в школу, без твоего материнского напутствия, что, как правило, и делает. Завтрак ему с удовольствием могу приготовить и я, или он сам себе приготовит, а уборку и обед-ужин мы доверим Раисе Романовне.

— О как, — подивилась Клавдия. — И откуда нам такое счастье?

Раиса Романовна была уникальной даже не «домработницей», а настоящей домохозяйкой, талантливейшим во всех хозяйственных делах и вопросах профессионалом высочайшего уровня. Ага, только трудилась она на этой ниве не у них, а у бабушкиной знакомой, жены очень представительного дядечки, занимавшего какие-то там посты в министерстве. Изредка Софье Михайловне удавалось заполучить Раису Романовну в помощь для проведения серьезных семейных мероприятий: юбилеев кого-нибудь из родных или каких иных торжественных больших сборов.

Вставала такая разовая помощь профессиональной помощницы недешево, но те блюда, которые готовила Раиса Романовна, та сервировка стола, ухаживание за гостями во время всего застолья, а по окончании

праздника наведенный ею порядок стоили любых денег и, главное, искренней, глубокой сердечной благодарности хозяев.

— У нас что, мероприятие? — уточнила Клавдия.

— Небольшое, — кивнула бабуля.

— Ну, — засомневалась Клавдия в рациональности приглашения помощницы, — малый масштаб вроде как не совсем по профилю Раисы Романовны?

— Время течет, люди и их возможности меняются, — заметила философски настроенная Софья Михайловна. — Раечка уже в годах и не так шустра, как раньше, и силы уже не те. К тому же с прежними нанимателями у нее не все гладко в отношениях.

— Что может быть не гладко в отношениях с Раисой Романовной? — сильно подивилась Клава. — Она настолько коммуникабельна и мудра, что, по-моему, найдет общий язык с кем угодно.

— Язык найдет, — согласилась бабуля, — а достойную оплату уже не всегда.

— Так Зимины вроде бы богатые товарищи и исправно ей платили?

— Да, не бедствуют, — подтвердила бабушка и вздохнула: — Только Раечка для них стала уже... Как вы это говорите? «Не формат»? Вот именно, потому что возраст приличный и здоровье часто подводит, ковид перенесла, причем дважды, побаливать начала. Нет, она вполне бодра, хочет и может работать, но не тянет прежних нагрузок, да и, откровенно говоря, ей тоже требуется забота и человеческое участие. А Зимины не из числа людей, обладающих щедрой сердечностью, к тому же перебрались жить в загородный большой

дом, теперь им прислуги требуется уже несколько человек. Раю не то чтобы уволили, но...

— Понятно, — покивала Клава и, зная бабушкины заходцы с намеком и дальним прицелом, поинтересовалась: — И что? Я правильно понимаю, что ты хочешь ее переманить к нам?

— Я вижу в этом несколько позитивных моментов, — поделилась своими размышлениями бабушка. — Ты из-за своей занятости, а я в силу возраста уже не можем вести хозяйство на желательном и должном уровне, и помощь нам не помешает. Во-вторых, вы с Павлом постоянно отсутствуете дома, а круг моего общения довольно узок: подружки по библиотечному клубу, знакомые в геронтологическом центре — все это дело хорошее, не спорю, но, так сказать, больше общественное. Выражаясь современным языком, «тусня по интересам» в одной возрастной группе. А Рая может стать хорошей компаньонкой в наших прогулках с Робертом Ромуальдовичем, и ей полезно гулять на свежем воздухе, да и ее участие в делах — это нам большое подспорье.

Она посмотрела вопросительно на внучку:

— Только, если мы решимся и Рая согласится, ее помощь и забота, как ты понимаешь, это не благотворительность, а работа и стоит денег, и все еще приличных денег. Не таких, как раньше брала Раиса, но все же...

— Да ну, бабуль, не мильены же, — заверила Клавдия. — Если тебе в радость и в помощь, то даже не сомневайся: договаривайся с Раисой Романовной. Это отличное предложение и снимет с меня большую проблему. Я давно подумывала, что нам надо подыскать

помощницу по хозяйству. Ну, со мной все понятно, я дома скорее призрачный персонаж, чем явленный, заниматься хозяйскими делами получается на бегу и наскоком. Павлушка, как может, помогает, но скажем честно: какой с него спрос, что он там наубирает и вымоет, это же не Грига обихаживать, что он может дотошно и с удовольствием делать часами. Тебя мы вообще исключаем из этих забот, а заодно напоминаю, что ты дала мне серьезное обещание, что не будешь касаться уборки и других тяжелых нагрузок по дому. Так что Раиса Романовна — это просто подарок для нас. А что касается оплаты, то справимся, не обеднеем. Я вполне прилично зарабатываю, да и Вася помогает.

— У Васи «трое по лавкам» сидят и есть просят, да ему и самому сейчас помощь требуется, и немалая, — напомнила о реалиях Софья Михайловна, озвучивая свои сомнения.

— Ба, все нормально, никто не бедствует, и неправимую дыру в бюджете нам помощь Раисы Романовны не нанесет, не беспокойся. Договаривайся, — закончила обсуждение этого вопроса Клавдия и быстро перевела беседу с финансового вопроса в другое русло: — Ты так и не объяснила, что у нас за мероприятие намечается, о котором я совершенно не в курсе?

— Вчера ты вернулась слишком поздно, я уже отдыхала у себя в комнате и не успела тебя уведомить. А сегодня вот оповещаю, с самого, можно сказать, раннего утра, — улыбнулась бабуля.

— Ну, оповещай, — легко рассмеялась Клава.

— Ты знаешь, кого я вчера встретила? — взбодрилась радостным возбуждением Софья Михайловна.

— Даже опасаясь представить, кто бы это мог быть, — хмыкнула Клавдия, — если встреча с этим человеком вызвала в вас, Софья Михайловна, столь очевидную живость чувств и некую, я бы даже сказала, ажиотацию. — И выдвинула осторожное предположение: — Никак бывший поклонник?

— Нет, не поклонник, хотя было бы неплохо, — рассмеелась Софья Михайловна и спросила: — Ты помнишь Настеньку Ладожскую?

— Какую Настеньку? — озадачилась Клава и уточнила: — А я должна ее помнить?

— Ну, может, и не помнишь, ты маленькая была, тебе тогда всего семь годков было, — задумалась бабушка и добавила вводных, недостающих для вызова у внучки воспоминаний: — Анастасия Игоревна Ладожская, моя бывшая ученица, которая спустя много лет преподавала у меня в гимназии математику. Ее сын какое-то недолгое время сопровождал тебя домой.

— Точно! — обрадовалась внезапному озарению Клавдия и взмахнула подтверждающе ладонью. — Саму Анастасию Игоревну я смутно совсем припоминаю, а вот сына ее помню отлично. Его же Матвеем звали?

— Почему же звали, — усмехнулась бабуля. — Так до сих пор и зовут.

— Он такой был... — призадумалась Клава, выуживая из закров и закоулков памяти припыленные временем картинки прошлого. — Я бы сказала: неординарный парень, интересный.

— Да, Матвей у Настеньки пареньком был необычным, — улыбнулась тепло Софья Михайловна.

— И что дальше? — поторапливая бабушку к дальнейшему рассказу, поинтересовалась развитием событий Клавдия. — Встретила ты маму необычного мальчика Матвея, и что?

— Мы обе очень обрадовались. — Бабуля не потрафила внучке и не ускорила плавного течения своего повествования, проигнорировав ее очевидное нетерпение. — Я Настеньку всегда высоко ценила как преподавателя и уважала как человека. Ты же знаешь, коллектив нашей гимназии я подбирала, словно бриллианты в корону: каждый человек был уникальным и талантливым. А уж Настенька, что и говорить, отличный математик и умница большая.

Заметив нетерпеливое выражение на лице Клавы, Софья Михайловна все же снизошла и поспешила с объяснениями, вернувшись из далекого прошлого в день сегодняшний:

— А встретились мы вчера совершенно случайно, можно сказать чудесным образом. Возвращаясь с рынка на автобусе, я задумалась, и мы с Робертом пропустили нашу остановку. Вышли на следующей и, посоветовавшись, решили: раз уж так получилось, пройдемся через сквер, прогуляемся, уж больно дивная нынче погода и природная красота вокруг, да и Роберт любит наш сквер. И вдруг встречаю Настеньку, что гуляет с внучкой на детской площадке. Обрадовались мы обе необычайно, обнялись, расцеловались. И выяснилось в быстром сумбурном разговоре, что Настя с мужем и детьми как много лет назад тогда уехали на Север, так и остались там жить и работать на долгие годы. Квартиру свою московскую сдавали, потом в ней какое-то время жил Матвей, пока не обзавелся своим

личным жильем. В старой квартире они останавливаются, только когда приезжают в Москву. А приезжают очень редко, теперь вся жизнь у них связана с Севером. Но тут дочери пришло приглашение пройти курс повышения квалификации и стажировку, на которую она подавала заявку и сдавала экзамены больше года назад и уже было отчаялась и потеряла всякую надежду, что ее возьмут. И вдруг такая радостная неожиданность: вызвали на учебу! У нее маленькая двухлетняя дочь, которую не хотела оставлять на длительное время своего отсутствия, вот Настя и полетела вместе с ними, заниматься внучкой, пока дочь будет учиться. Остановились и живут у Матвея, не собираясь расконсервировать старую квартиру, но понадобилось забрать из нее кое-какие вещи. И Настенька с внучкой прогуливались по скверу, пока дочь складывает и собирает понадобившиеся вещи.

— Очень киношно. Нет, на самом деле из разряда: «Ну надо же, бывает же такое везение!» — оценила случайную встречу женщин Клавдия. — Но, как я поняла, есть и продолжение истории радостной встречи?

— Разумеется, — уверила бабушка. — Общения с некогда дорогим мне человеком и где-то даже другом на бегу и наскоро мне определенно недостаточно, да и откровенно дурной тон, поэтому я пригласила Анастасию к нам в гости. А еще приготовила ей сюрприз, обзвонив старых коллег и пригласив кое-кого из преподавателей нашей бывшей гимназии, с которыми Настенька тогда близко дружила. И, чтобы достойно провести встречу, мне и понадобилась помощь Раечки.

— Замечательно, — искренне порадовалась за бабулю Клавдия. — Уверена, у вас получатся отличные

посиделки и вечер воспоминаний. И я очень-очень рада, что ты так воодушевилась. Какая-нибудь помощь от меня требуется?

— Думаю, вдвоем с Раечкой мы отлично справимся, — отказалась бабуля от предложения.

— С чем справитесь и какая помощь? — героически борясь с зевотой и вяло почесывая взлохмаченный затылок, спросил появившийся в кухне в одних трусах и тапочках заспанно-помятый Павел. — И почему Бобчик обижен? Уткнулся носом в угол своей лежанки и только фыркнул, когда я с ним поздоровался.

— Роберт Ромуальдович изволит дуться, — пояснила бабуля, — потому как я отказалась немедленно, сразу же после того, как встала, идти с ним на променад. Его высочеству в голову вошло что-то непонятное, каприз какой-то. Ему же прекрасно известно, что, пока я не выпью свой кофе, мы из дома не выходим. — Она специально громко-назидательно повысила голос на последней фразе, чтобы слышал объект ее обличений.

— Упфхм... — послышалось отчетливое иронично-обиженное восклицание из прихожей.

— А тебе, Павлуша, не стоит конфузить женщин своим обнаженным внешним видом, — напрочь проигнорировав все восклицания из прихожей, обратилась Софья Михайловна к правнуку. — Бесспорно, ты выдающийся эталон атлетически сложенного юноши, что не может не радовать взор твоей матери и бабушки, но все же это ужасный моветон, — попеняла ему, улыбаясь.

— Пардоньте-с, арьергронмейр, — шаркнул извинениями «а-ля франсе», преувеличенно грассируя, Пашка,

хотнул и повинулся, объясняя: — Как всякого неосознанного индивида, меня интуитивно тянет туда, где кормят и балуют.

— А сколько времени? — спохватилась Клава.

— Полвосьмого, — уведомил Пашка.

— Ничего себе. Засиделись мы, однако, Софья Михайловна, за разговорами, поддавшись релаксу, — поразила Клавдия и подхватила с места. — Сейчас завтрак приготовлю неосознанному индивиду.

— Сырники твои фирменные, ладно? — торопливо попросил Пашка.

— Будут тебе сырники, — пообещала любящая мать, потрепала сына по волосам, обняла, поцеловала в щеку и отстранила. — Все, иди приводи себя в порядок. Софья Михална права: твои мятые труселя с тапками — это какой-то жесткий моветон.

— Удаляюсь, дабы не оскорблять своим непотребным видом ваши чувствительные, тонкие натуры, дамы. — Дурашливо «щелкнув» голыми пятками и исполнив театральный «офицерский» кивок, Пашка четко развернулся и отправился в ванную.

— Испортила ты, бабуля, ребенка приобщением к русской классике, ох испортила, — наигранно-обреченно вздохнув, попеняла Клавдия.

— Этого ребенка не способно испортить ничего, — отмахнулась в ответ бабуля. — В нем слишком хорошая закваска, высокая степень разумности, прекрасно развито критическое мышление и отличное чувство юмора, доставшееся ему от родителей. В любом случае с классикой переборщить невозможно, ее много не бывает по определению. Впрочем, если я слегка и перестаралась, то и ничего, прекрасно поживет и испорчен-

ным, — усмехнулась Софья Михайловна. — По крайней мере, он осилил «Тихий Дон» Шолохова, а по нынешним временам, для той дикой системы преподавания, что имеет место в стране, это практически академический уровень.

Так, понятно, зацепила-таки неосмотрительно своим замечанием Клавдия большую-любимую тему Софьи Михайловны, расслабилась, видимо, а в совокупности с темой воспитания правнука это вообще полная засада...

Э-эх, хорошо ездить в метро днем, а не в утренние часы пик. Да и в вечерние часы пик еще то «удовольствие». А вот так, не опаздывая и не торопясь, спокойно, прогулочно дойти пешочком до станции, спуститься вниз и даже обнаружить свободное место в вагоне — красота же!

Стянув привычно тяжелый рюкзак со спины и устроившись на единственном свободном сиденье, Клавдия примостила свою поклажу на коленях, прижала-обняла, дабы не свалилась при тряске, накренилась набок и, чуть суетно повозившись, достала из кармана легкой куртки смартфон. Хотела проверить сообщения, да так и не активировала, захваченная неожиданно пришедшей в голову мыслью.

Пройтись неспешным шагом Клавдии, вечно куда-то стремительно несущейся, торопящейся, при этом умудрявшейся каким-то чудом никогда никуда не опаздывать и везде успевать аккуратно к нужному моменту, удалось только лишь потому, что она откровенно сбегала от бабушки с Раей, развивших бурную деятельность по подготовке торжественной встречи бывших

коллег. После второй просьбы-поручения, отданной дамами Клавдии, пытавшейся все-таки хоть немного отдохнуть, и того «шороха» и шума, что они развели, она поняла со всей очевидностью: надо линять!

Причем незамедлительно!

Вот и сбежала. Потому и не поехала на маршрутке до метро, а с удовольствием прошлась-прогулялась до станции. Погода стояла... Бабушка права: «дивная природная красота» посетила столицу. После первых непривычно холодных недель сентября вдруг неожиданно вернулось тепло — и как-то взбодрило, порадовало. Солнце стояло высоко, небо синело во всю свою ширь — ни облачка, а деревья, прихваченные немного багрянцем и желто-оранжевыми пятнами, придавали настроению ту особую, какая бывает только яркой, буйной осенью, терпкую, светлую и немного печальную нотку.

Хорошо, что она сбежала из дома: смогла расслабиться, отпустить суматошные мысли и вечный внутренний бег, успокоить мысли, пройтись и почувствовать, впустить в себя эту теплую, чуть горящую осеннюю грусть.

Хорошо.

И хорошо, что бабуля встретится со своими бывшими коллегами, она так воодушевилась предстоящим мероприятием, собралась, мобилизовалась, навела «приличествующую моменту» красоту: сделала легкий макияж, а Клава накрутила ей настоящую прическу. И теперь Софья Михайловна подбирает достойный наряд для торжественного вечера из числа имеющихся у нее в гардеробе. Но, пока не определившись с выбором, она достала альбом со старыми фотографи-

ями, повздыхала-поулыбалась с ноткой легкой печали, рассматривая некоторые, но быстро отложила: потом посмотрят все вместе, когда «девочки» придут.

Клавдия непроизвольно улыбалась, мысленно представляя себе развившуюся кипучую деятельность по встрече гостей бабушку и эту небольшую сценку с фотоальбомом. И, как обычно бывает, по цепочке ассоциаций, смутно, без каких-либо подробностей и деталей, она вдруг вспомнила и Анастасию Игоревну. Ну как вспомнила — так, поверхностно, насколько запечатлело в памяти ее детское сознание человека, с которым она не так-то часто и встречалась.

А вот ее сына Матвея Клавдия помнила очень даже хорошо.

Вообще-то это поразительно. В том смысле поразительно, что она настолько хорошо помнит какого-то там мальчика из ее далекого детства, с которым и общалась-то совсем недолго. А что, кто-нибудь может похвастать тем, что спустя больше двадцати лет прекрасно помнит происходившее с ним в семилетнем возрасте? Особенно если учитывать, что это был небольшой, проходной эпизод в жизни ребенка, насыщенной иными «важными» событиями разного рода.

Вот прямо вот так и помните? Как выглядел человек, его внешность, манеру говорить и двигаться, и о чем конкретно он с вами разговаривал, еще что-нибудь? Попробуйте, покопайтесь в своих детских воспоминаниях — ну-ну, прямо нахлынули, как кино? Да не получится, даже не напрягайтесь.

Не то чтобы в памяти Клавдии прямо-таки отчетливо запечатлелся образ-видение мальчика Матвея, понятное дело, что нет. Разумеется, сейчас она вряд ли

вспомнит его лицо или голос и много чего еще про него не вспомнит. И понятно, что память, которая любит «пошалить», подкидывая различную интерпретацию далеких событий, как правило, более устраивающую нашу совесть, чем то, что происходило в действительности, возможно, и подкорректировала кое-какие детские воспоминания и ощущения Клавдии. Но что она точно сохранила в той памяти, так это само ощущение от общения с Матвеем, то, как легко и спокойно она чувствовала себя рядом с ним и как ей было интересно и даже радостно с ним общаться. А еще она помнила их разговоры. Нет, серьезно, на самом деле помнила большую часть их бесед, может, потому, что всякий раз ему удавалось поразить ее воображение и удивить маленькую, любопытную Клаву.

«Надо признать, что Матвей Ладожский был весьма нестандартным мальчиком, сильно отличавшимся от своих ровесников», — подумалось Клавдии, целиком захваченной нахлынувшими воспоминаниями.

Хотя назвать его мальчиком она могла только сейчас, с высоты своего нынешнего возраста, а тогда — страшно посчитать-подумать, сколько лет назад, — маленькая семилетняя Клабочка воспринимала этого парня как взрослого человека.

— Вот, Клабочка, этого мальчика зовут Матвей. Он отведет тебя домой.

— Бабушка, — возразила девочка, настороженно разглядывая незнакомого парня, и, потянув бабулю за руку, чтобы та наклонилась к ней, доверительно сообщила Софье Михайловне громким шепотом, который услышали все, кто находился в этот момент в директорском кабинете: — Какой же он мальчик, он вон ка-

кой большой и взрослый. — Подумала пару мгновений и внесла уточнение: — Он уже, наверное, почти наполовину старый.

«Наполовину старый мальчик», в свою очередь, с интересом рассматривал забавную симпатичную девочку, не спускавшую с него опасливого, настороженного взгляда, и еле заметно улыбался.

— Ну ведь только «почти», — сдерживая смех, ответила внучке Софья Михайловна, — значит, еще не совсем взрослый. То есть мальчик, или молодой человек, или юноша. Так обычно называют возраст, в котором он пребывает в данный момент.

— Но большой, — прошептала уточнение Клавочка.

— Да, — выпрямившись, согласилась с ней бабуля, — такой вот не по годам крепкий молодой человек. — И повторила: — И он сопроводит тебя до дома. Не пугайся, Матвей очень хороший и надежный юноша, — дала характеристику мальчику Софья Михайловна. — Ты же знаешь Анастасию Игоревну, она мама Матвея. Мы попросили его проводить тебя, поскольку, будучи заняты делами и работой, сами не имеем возможности это сделать. А тебе прекрасно известно, что маленьким девочкам категорически недопустимо ходить по улицам одним, без сопровождения взрослых, — не преминула Софья Михайловна напомнить внучке в миллионный, наверное, раз одно из основных правил безопасности.

Многолетнее преподавание русского языка и литературы и безусловная любовь и преданность последней, как и врожденная склонность к преподаванию и здоровому менторству, не могли не сказаться на манере изъясняться Софьи Михайловны. Порой она

слишком увлекалась, впадая в некую чрезмерную витиеватость и изысканность речи, и поделаться с этим обстоятельством уже не имелось никакой возможности — только терпеть.

Впрочем, все домашние, и Клавочка в том числе, привыкли не обращать на эту «кучерявую» словесность особого внимания и даже выработали некоторые приемы «противоядия». Но не об этом.

Бабушка подвела внучку к мальчику, назначенному ей в сопровождающие, взяла ладошку Клавы и протянула Матвею.

— Все, ребятки, — поторопила она, — знакомьтесь и идите, нам с Анастасией Игоревной некогда, уже прозвенел второй звонок и начинается следующий урок у старших классов.

В принципе, от гимназии, которой руководила Софья Михайловна и где работала преподавателем математики мама Матвея, было не так чтобы далеко до дома, в котором проживала семья Клавдии, — всего полтора квартала пешком или две короткие остановки на троллейбусе, причем по пути не требовалось переходить проезжую часть или спускаться в подземку — все близко, но...

На дворе свистела и улюлюкала криминальным беспределом середина девяностых, обстановочка была еще та: беззаконие, лихие ребятки с пистолетиками и автоматами, ведущие активный отстрел себе подобных, разборки, наезды, рэкет и всякое иное непотребство в больших количествах и масштабах.

И одиноко бредущая или едущая в транспорте без присмотра и опеки взрослого девчужка, в блондинистых кудряшках, непослушно выбивающихся локо-

нами из любых туго заплетенных косичек, с доверчиво распахнутыми голубыми глазами, обрамленными длинными черными ресницами, с розовыми щечками и пухлыми губками, становилась желанной, легкой и практически законной добычей для любого извращенца.

Похитят — и никто не найдет. Да и искать не станут: не депутатский же ребенок, в самом деле, пропал и не единственное дитя крутых-богатых-знаменитых родителей, чего искать-то? Сами проворонили, сами и разбирайтесь со своими проблемами. А потому в те переломные (теперь уже далекие, слава тебе господи) годы нормальные, адекватные родители детей своих без присмотра старались не оставлять. А как этот присмотр и постоянную опеку наладить, когда все работали, было еще тем вопросом и проблемой для большинства семей. Кто как мог, так и налаживал.

Софья Михайловна же на какое-то время воспользовалась помощью Матвея, в силу сложившихся обстоятельств вынужденного приходить к матери на работу.

Понятно, что четырнадцатилетний подросток вряд ли сможет противостоять взрослым, матерым преступникам, но дать отпор дворовым хулиганам он вполне мог, ну или поднять шум, призвать в случае необходимости на помощь прохожих или просто сбежать вместе с девочкой.

То, что Матвей не бросит ребенка и будет защищать Клавочку до последнего вздоха, Софья Михайловна не сомневалась ни на секунду — такой это был мальчик. Выделявшийся среди своих сверстников статью, будучи более крупным и выше всех мальчишек не меньше чем на полголовы, спортивным — чем-то он там занимался,

какой-то борьбой, она толком не знала, да и не важно. Самое главное, это был очень ответственный парень.

Спокойный, уравновешенный, вдумчивый и... надежный.

Софья Михайловна, стоя у окна своего директорского кабинета, с некой все же тревогой наблюдала за тем, как Матвей Ладожский, на которого она возложила непростые обязанности по защите и охране внучки, ведя ту за ручку, выходит вместе с девочкой с охраняемой территории гимназии.

А Клава перестала настораживаться и опасаться Матвея, как только он взял ее ладошку в свою руку там, в кабинете бабушки, и произнес:

— Привет, я Матвей. Прогуляемся?

Почему-то именно это его предложение прогуляться успокоило маленькую Клавочку моментально, а когда он улыбнулся, она и вовсе перестала опасаться этого мальчика. Да потому что совсем он не чужой и не ненашенский — свой, нашенький и хороший. Добрый. Это Клавдия поняла наверняка в тот самый момент, когда замечательная улыбка словно озарила лицо юноши, или молодого человека, как, по словам бабушки, называется его «почти уже наполовину старый» возраст.

И, смело вложив свою ладошку в большую твердую руку, Клавдия радостно отправилась по указанному им маршруту — про-гу-ли-ва-ться.

Клавочка ожидала и была уверена, что они будут идти и о чем-то разговаривать, но он почему-то молчал, и они вовсе ни о чем не говорили. Но, удивительно, ей было совсем не плохо от этого его затянувшегося молчания. И никакого неудобства или маеты

она не ощущала, скакала рядом вприпрыжку, стараясь подстроиться под его шаги, шурилась, поглядывая на яркое сентябрьское небо, наблюдала за кошкой, которая непонятно почему пристроилась идти за ними (наверное, они ей понравились), а потом, тоже непонятно отчего, шмыгнула в подворотню.

А когда Клавочке захотелось поговорить, вот тогда она и спросила:

— А почему ты молчишь?

— Я размышляю, — улыбнулся Матвей девчужке.

— О чем? — заинтересовалась Клава.

— Решаю в уме задачку по математике.

— Это как? — Клавочка даже остановилась, захваченная удивлением, вынуждая остановиться и его.

— Представляю условия задачи и мысленно произвожу вычислительные действия, — пояснил парень.

— Без тетрадки? — совсем уж оторопела от такой чудной странности девчужка.

— Без тетрадки, — подтвердил Матвей и спросил: — Ты цифры знаешь, складывать умеешь?

— Знаю, — кивнула энергично Клава, — и складывать умею до десяти.

— И сколько будет, если к одной единичке прибавить еще одну?

— Два, — пренебрежительно отмахнулась Клава, — это и всякому ребенку известно, а я еще в садике знала.

— Хорошо, — усмехнулся парень и задал следующий вопрос: — А сколько будет к двум прибавить пять?

Клавдия призадумалась и выдала ответ:

— Семь.

— Вот видишь, и ты решаешь задачки в уме. Как ты это сделала?

— Вспомнила пример, написанный в тетрадке, и ответ, — крепко подумав и вспомнив, как она вот так взяла и сказала, что «семь», ответила Клабочка.

— Это называется визуальный ряд, — прокомментировал он и, заметив непонимание, отобразившееся на лице малышки, поспешил объяснить: — Не важно, как это называется, главное, что ты мысленно представила цифры и ответ задачи и как это выглядит на бумаге. Вот так же делаю и я, только я помню и держу в голове больше знаков, формул и параметров.

— Ты очень умный, — с самым серьезным видом оповестила его Клава.

— Ну, так уж и очень? — усмехнулся Матвей.

— Очень, — настойчиво повторила девочка и кивнула в подтверждение своего заявления.

— Хочешь арбуз? — неожиданно спросил мальчик.

— А у тебя есть? — удивилась Клабочка, посмотрев на него с большим сомнением.

— Есть, — уверил Матвей и одарил ее своей замечательной улыбкой.

Покрутил головой, что-то высматривая по сторонам, и указал на скамейку шагах в десяти от них, которую заприметил:

— Идем вон там посидим.

Резвым козленком Клава стремительно рванула к скамейке, настолько ей было любопытно, где он может прятать настоящий большо-о-о-й арбуз и где он его возьмет, если, кроме солидного и необычного школьного рюкзака, у этого Матвея ничего больше и нет. Подлетела к скамье и уселась, излучая нетерпеливую готовность лицезреть удивительный фокус-покус или какой-нибудь розыгрыш.

Но ни фокуса, ни покуса, ни розыгрыша не произошло. Загадочно улыбаясь, явно посмеиваясь над ней, Матвей расстегнул свой рюкзак и достал из него пластмассовый контейнер — диво-дивное по тем временам, не было тогда в обиходе у граждан такой роскоши. Самые продвинутые из тех, кто брал с собой на работу обеды и перекусы, носили продукты в стеклянной посуде, обернув в целлофановый пакет, или в железных коробках от импортного печенья, а вот так, чтобы специальный контейнер, — нет.

И Клавочке это показалось дивом каким-то, она-то точно такой коробочки раньше не видала. А когда он открыл крышку и показал содержимое бокса, она и во все рот открыла от небывальщины: распространяя вокруг потрясающий аромат, вырвавшийся на свободу из-под крышки, красовались в контейнере алые куски-квадратики арбуза с «запотевшими» капельками выступившего на их боках сока и притаившимися в мякоти крупными черными косточками.

— Угощайся, — распорядился Матвей, с удовольствием взяв себе один квадратик.

Скажите, вы знаете много мальчиков четырнадцати лет, которые таскают с собой в школьном рюкзаке контейнер с арбузом?

Понимаете? Он предложил ей угоститься не каким-то там чупа-чупсом дрянным, не чипсами непонятной этимологии, не колой или напитком «Буратино» из ларька, не шоколадкой или, на крайний случай, незамысловатой горячей сосиской в булке, купленной в ближайшем хот-дожном лотке, — а арбузом!

Мягко говоря, это не совсем типичное для пацана его возраста поведение, выбор лакомства и форма его упаковки-транспортировки.

В частности, в целом и в совокупности.

Клавочка уплетала этот арбуз и от полноты переполнявших ее замечательных чувств жмурилась как сытая кошка, пригревшаяся на солнышке, болтала ногами, не достававшими до земли, громко, с удовольствием выплевывала черные косточки на газон возле скамейки, а сладкий сок стекал по ее пальцам и рукам аж до самых локтей.

И было ей так хорошо и прекрасно, как только может быть в детстве, в те мгновения, когда у тебя все отлично, тебе весело, радостно и счастливо на всю широту, аж до неба.

— А ты знаешь, что арбуз это ягода? — неожиданно спросил Матвей.

— Я-ягода-а-а... — протянула совершенно потрясенная данным фактом Клавочка и посмотрела на парня расширившимися от поражения глазешками. Подумала и высказала свои серьезные сомнения по поводу данного утверждения: — Ягоды же маленькие, — она показала пальцами, какими должны быть ягоды, по ее весьма компетентному мнению профессионального поедателя этих самых ягод, — как клубничка или малинка. А это же арбуз, — подчеркивая масштаб растения, басом произнесла Клавдия и изобразила руками совсем другой размер.

— Да, — согласился парень, — и все-таки это вот такая ягода. Так ученые утверждают.

Клава задумалась о странных ученых, которые могут утверждать нечто подобное. Почему-то у нее не воз-

никло даже дуновения или легкого намека на сомнения в том, что, может, это не ученые вовсе, а как раз таки сам Матвей говорит неправду. В неведомых ученых она сомневалась гораздо больше.

— А еще они выяснили, что арбуз больше чем на девяносто процентов состоит из воды, — добавил он Клавдии поводов к размышлению.

— Это как? — спросила она.

— А вот так, — решил на примере показать ей Матвей.

Подошел к небольшой лужице недалеко от скамейки и бортиком ботинка скинул в нее совсем немного земли с газона.

— Вот, приблизительно столько в нем воды и совсем немного волокон.

— Так что, — посмотрела на него расширившимися от потрясения глазами подошедшая и вставшая рядом Клавочка, — получается, что мы едим воду?

— Выходит, что да, едим воду, — подтвердил он ее предположения.

И вдруг улыбнулся своей потрясающей улыбкой, преобразившей весь его серьезно-сосредоточенный вид, и рассмеялся, добавив:

— Но очень вкусную, фруктовую воду.

Они доели ягоду-воду под названием арбуз, и тут выяснилось, что у мальчика Матвея имеется в наличии еще и упаковка бумажных платков, которыми он старательно вытер руки, подбородок и губы Клавдии, но это не сильно помогло, поскольку руки у них обоих стали липкими. И пришлось Матвею не только проводить девочку до квартиры и «сдать» ее прабабушке Марии Анисимовне, но и вместе с Клавой отмывать руки

от засохшего арбузного сока в ванной комнате. После чего Мария Анисимовна усадила их обоих пить чай с еще теплым овсяным печеньем, которое только недавно испекла.

Так и повелось: когда у Клавочки заканчивались уроки, она отправлялась на продленные занятия, где вместе с другими ребятами делала домашнюю работу по всем предметам, а потом они слушали, как им читают вслух всякие интересные книжки, и играли в увлекательные развивающие игры. А когда продленка заканчивалась, за ней приходил Матвей.

Он закидывал на плечо ее рюкзачок поверх своего, брал Клаву за руку и сопровождал, как обозначила их прогулки Софья Михайловна, девочку до квартиры, где передавал Марии Анисимовне. Иногда они втроем пили чай с какой-нибудь вкусностью, которую пекла прабабушка Клавы, но редко: как правило, Матвей торопился по каким-то своим важным делам, казавшимся Клавочке таинственными и непременно чудесными.

Большую часть дороги до дома Клавдии они молчали, вернее, молчал Матвей, а Клава просто шла рядом с ним. Ей никогда не было неловко или скучно, и ее нисколько не смущало и не угнетало это его молчание: она твердо знала, что он не просто так себе молчит и глупости всякие в голове думает — он РАЗМЫШЛЯЕТ.

Иногда решает задачки или мысленно играет в шахматы, иногда обдумывает какие-то важные дела или, как он ей объяснял, принимает решения, взвешивая аргументы за и против. Что такое аргументы, Клава не знала и спросила у него, а он объяснил, что это такие ответы на вопросы. Например: если я сделаю вот так,

то что в результате моих действий получится, каковы будут их последствия и что из этих последствий хорошо для меня, а что плохо и только навредит.

Иногда он рассказывал ей какие-то странные, серьезные научные вещи, поражавшие маленькую Клавочку до глубины души.

— Знаешь, почему листья на деревьях становятся такими яркими и разноцветными? — спрашивал Матвей, когда восторженная Клава моталась по скверу, с удовольствием подбивая ногами засыпавшие газон листья, сброшенные деревьями, и шурша ими.

— Потому, что они постарели и умерли? — выдвигала свою версию этого природного явления Клава.

— Можно сказать и так, — кивал он и добавлял разъяснений: — По-научному это называется «потеря хлорофилла». Это такой пигмент, который любит тепло и солнце. Когда солнца и тепла становится мало и они нужны самому дереву, чтобы подготовиться к зиме, он перестает их наполнять, и листья теряют зеленый цвет, желтеют, краснеют и опадают.

— А хлорфил этот куда девается? — выясняла внимательно слушавшая его Клавочка.

— Исчезает, — пожимал Матвей плечами.

— Значит, он предатель. Бросает листики и сбегает, когда им холодно и плохо, — вздыхала Клавочка, жалея листья. — А откуда ты это знаешь?

— Прочитал в научном журнале.

— Научном — это который ученые пишут? — выясняла девчушка.

— Они, — усмехался парень.

— Какие-то странные и неправильные эти ученые, — размышляла Клава.

— Почему? — улыбался он своей чудесной улыбкой.

— Потому что изучают то, что и вовсе изучать и не надо. Зачем им этот хлофил предательский? Вот взяли бы и придумали, как все ягоды сделать такими, как арбуз. — И она изобразила руками большой шар и расмеялась. — Вот было бы здорово: малина как мяч, или клубника, или крыжовник.

— Стань ученым и придумай, как вырастить большие ягоды, — предложил Матвей.

— Нет, — покрутила головой Клавочка и сообщила с самым серьезным видом: — Я ученым не могу, мне надо дедушке зубки вылечить.

И, мгновенно перескакивая на другую тему, спросила:

— А ты крыжовник любишь? — И, не дожидаясь его ответа, оповестила: — Я очень люблю, он такой сладенький и кисленький. На дедушкином огороде растет.

Клавдия могла идти и бесконечно развивать какую-нибудь тему, захватившую ее в этот момент, не обращая никакого внимания на то, что Матвей ей не отвечает, и в разговоры-диспуты с ней не пускается, и не отделяется утвердительным мычанием, кивками и редкими «да», чтобы показать, что вроде как слушает. Просто молчит, и все. Но она точно знала, что он слышит все, что она говорит, и это совершенно не мешает ему РАЗМЫШЛЯТЬ, и в любой момент она может задать ему прямой вопрос, и он обязательно ответит.

И она трещала-щебетала в свое удовольствие, припрыгивала от переполнявшей ее энергии, смеялась или становилась серьезной и задумчивой по ходу своих рассуждений, и было ей очень хорошо и всегда интересно

рядом с этим странноватым, удивительным мальчиком-юношей Матвеем Ладожским.

А однажды он ее спас...

Как известно, «чего боишься, от чего бежишь, то к тебе и припожалует», как говаривала Клавина прабабушка Маша и добавляла:

— Так что не приманивай, не позволяй страху в голове твоей посиживать, гони прочь.

Клабочка-то в силу возраста и отсутствия опыта в те свои безмятежные семь лет и вовсе ничего не боялась, зато за нее активно боялись родители, бабушка Соня с дедушкой Павлом и прабабушка Маша.

Вот и «приманили».

Где-то недели через три с того дня, когда Матвей первый раз проводил Клаву домой, они шли из гимназии по привычному маршруту. Клава, размахивая ручонкой, что-то увлеченно повествовала, Матвей, никогда не выпускавший ее ладошки из своей руки, традиционно задумчиво молчал, все было как обычно.

Да не совсем.

Матвей заметил этого мужика не сразу. Вернее сказать, он бы его и вовсе не заметил, но, привыкший поглядывать по сторонам, обратил внимание на мужчину, идущего метрах в пяти вровень с ними и внимательно рассматривавшего вдохновенно щебетавшую о чем-то своем важном-интересном Клабочку.

Матвеем сразу не понравился и этот мужик, и его столь очевидный интерес к девочке, потому он рефлекторно и притянул Клаву к себе поближе, и ускорил шаг так, что той пришлось почти бежать, поспевая за ним.

Незнакомец тоже ускорился, не отставая от детей и все поглядывая на Клаву. Матвей подобрался весь,

быстро посмотрел по сторонам, выискивая прохожих, прокручивая в голове варианты возможных неприятностей.

И вдруг мужик — тоже успевавший посматривать еще и по сторонам, — улучив момент, когда другие прохожие оказались достаточно далеко от детей, явно на что-то решился: быстро прошагал в их сторону и встал прямо перед Матвеем, перекрывая ему путь и вынуждая остановиться.

— Какая очаровательная малышка, — произнес мужчина, разглядывая Клаву плохим, гадким взглядом, и спросил у Матвея, не отводя глаз от ребенка: — А ты брат, что ли?

Но, вместо того чтобы ответить этому чужому человеку (который ужасно не понравился Клавочке и даже немножко напугал ее, и точно сильно бы напугал, если бы Матвей не притянул ее к себе и не прижал к боку), он вдруг коротко и резко ударил дядьку носком ботинка прямо по ноге, под коленку. Сильно!

И схватил Клаву, оторвав от земли, прижал у себя под мышкой, как большую куклу, и побежал быстро-быстро! А дядька ужасно орал вслед и ругался «взрослыми словесными натюрмортами», как дед Коля.

Громко! И обещал Матвею ноги вырвать и что-то еще с ним сотворить, наверное, страшное и болючее, уж очень сильно он разозлился. Клава не очень понимала, что именно он там кричит, да и не до дядьки ей было: следовало крепко-крепко держаться за Матвея, чтобы не выпасть у него из-под мышки. А он, таща на себе девочку, завернул в какой-то переулок, а из него, через арку, во двор чужого дома, пробежал через весь двор-колодец и шмыгнул в дальний подъезд. И там на-

конец поставил Клаву на ноги, поправил на ней курточку и спросил:

— Испугалась?

— Не-а! — весело отрапортовала Клава и покрутила отрицательно головой.

— Это хорошо, — похвалил Матвей.

И вдруг притянул к себе, прижал, обняв двумя руками, и замершая от неожиданности Клава слышала, как гулко бухает быстро-быстро в его груди сердце, чувствуя щекой удары через все слои одежды.

— А ты испугался? — спросила она и, запрокинув голову, посмотрела на него снизу вверх.

— Да, — подумав, честно признался он.

— Ты испугался, что он тебя побьет? — уточнила причину его испуга Клава.

— Нет, — снова немного помолчав, объяснил Матвей природу своего страха, — я испугался за тебя.

— За меня? — сильно подивилась Клавочка. — Но я же была с тобой, что за меня бояться?

— Вот именно, — тяжело вздохнув, непонятно ответил он.

Ничего больше не случилось. Они так постояли немного в темном подъезде, потом Матвей долго смотрел в щелочку двери, но дядьку так и не увидел, и они вышли и пошли домой. Только другой дорогой.

Маленькой Клавдии это происшествие казалось совсем не страшным, забавным приключением, шуткой или игрой. Особенно смешно становилось ей, когда она вспоминала и рассказывала взрослым, как тащил ее у себя под мышкой Матвей. И только спустя много лет она поняла, что на самом деле произошло тогда и от чего именно спас ее Матвей, от какой ужасной беды.

А вот взрослые, которым они рассказали о встрече с неприятным дядькой, поняли все сразу и правильно. И предприняли определенные шаги. Четыре дня Клаву отправляли из гимназии домой на такси, а на пятый день снова появился Матвей, но теперь они выходили из здания гимназии через черный ход и шли совсем другой, более длинной дорогой. Но это нисколько не расстраивало Клавдию, а наоборот, было хорошо, потому что ей всегда было хорошо, интересно и радостно рядом с Матвеем.

Ну а недели через две все вернулось на круги своя, и они снова ходили все тем же прямым проспектом, как и обычно.

Чуть больше двух месяцев Матвей исправно провожал Клавдию из гимназии до квартиры. А потом изменились какие-то обстоятельства, которые не объяснили Клавочке, и вместо Матвея ее стала забирать и отводить домой та самая Раиса Романовна. А в январе Клава начала ходить совсем в другую, в простую школу рядом с домом, откуда ее забирала уже бабушка Маша.

Клавочка скучала по Матвею и грустила, что больше с ним не видится, и все приставала ко взрослым, требуя объяснить, почему он не приходит, но те отделялись коротким: «Он занят другими делами» — или тем же непонятным: «Обстоятельства изменились». Только прабабушка Маша сказала:

— Он ведь большой парень, у него свои важные дела, учеба. Сколько мог — он нам помог, за что ему великое спасибо, а теперь нам самим надо справляться. — И погладила Клавочку по голове. — А ты не грусти, свидитесь еще, поди, жизнь длинная.

Жизнь-то — она, конечно, длинная (хотя у кого как), но с Матвеем Ладожским она так больше и не свиделась. Подумав об этом, Клава вздохнула, уже подходя к воротам госпитального пропускного пункта — вот насколько погрузилась в захватившие ее воспоминания, даже не заметила, как весь путь проехала и прошла.

Хорошие воспоминания, светлые и теплые.

Интересно, как сложилась жизнь у Матвея Ладожского? Кем он стал и каким? Ну ничего, вот она вернется домой и расспросит бабулю, наверняка же ей Анастасия Игоревна все-все расскажет про свою семью и про их жизнь. И про Матвея в том числе.

«Интересно будет узнать, как сложилась жизнь у девочки Клавы. Смогла она бабушке своему зубы вылечить?» — размышлял Матвей, остановив машину у светофора, прямо перед ним переключившегося на красный свет.

Вернувшись вчера поздно вечером домой, Матвей мгновенно заметил, что мама пребывает в каком-то радостно-возбужденном состоянии.

Понятно, что что-то хорошее у них тут случилось.

Но спрашивать не стал. А мама еле дождалась, пока он умоется и переоденется в любимые, «уютные», как называл их Матвей, домашние джинсы и тонкий джемпер, сядет за стол в кухне и примется за ужин, который она ему подала.

Прекрасно зная, прямо скажем, своеобразный характер своего сына, Анастасия Игоревна не сомневалась, что тот сразу же заметил ее взбудораженность и понял, что у мамы произошло какое-то неординар-